E 43/300

Е 43
300.

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ ВѢНЫ.

Н. Рѣзельмана

ИЗЪ МОС. ЛИТ. И УЧ. СБОР.

Печатать позволяется. Москва, 1846 года Марта 18 дня.

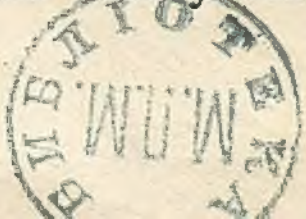
Цензоръ И. Снегиревъ.

2007096435

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПИСЬМО I.

Я обѣщалъ Вамъ писать о впечатлѣніяхъ моей заграничной поѣздки, — но, искренно сознаюсь, что врядъ-ли бы приступилъ къ нѣсколько отчетливому исполненію своего обѣщанія, если-бы случай не остановилъ меня на долгое время въ Вѣнѣ и не привелъ бы потомъ на нашу родную Славянскую почву.—Лѣнь, самолюбіе, были издавна причиною, которая часто препятствовала мнѣ сказать свое слово о томъ, что могло быть также хорошо извѣстно и безъ меня, или передано лучше другими.—Въ самомъ дѣлѣ, согласись, что̀ могъ я сказать тебѣ новаго о Германіи, которую проѣхалъ поперегъ, и объ Италіи, гдѣ прожилъ зиму. Изучать подробности, разложить элементы жизни, у меня не доставало времени, передавать-же тебѣ голыя впечатлѣнія—было-бы крайнею самонадѣянностію. Нѣтъ ничего легче, какъ метать опредѣленія изъ почтовой кареты о нравахъ, обычаяхъ, направленіи умственномъ народа; по собѣсѣдникамъ общаго стола, или спутникамъ на параходѣ заключать объ общественномъ мнѣніи, по удобству гостинницъ и чистотѣ мостовой объ успѣхахъ образованія; —



этотъ легкій способъ чрезвычайно соблазнителенъ, но моя тяжелая натура не поддается на подобную приманку; если-же что и досталось мнѣ за эту дешевую цѣну, то я берегу это про себя, какъ едва набросанный дагеротипный оттискъ, которому пагубно малѣйшее прикосновеніе свѣта. Притомъ, въ нашъ вѣкъ единичной самостоятельности и самоувѣренности, когда всякій глубокомысленно обнимаетъ и политику и науку и жизнь разныхъ народовъ, кто станетъ заботиться о мнѣніи неизвѣстнаго путешественника, кто повѣритъ ему на слово? Но когда я очутился на полѣ Славянства, такъ обильно засѣянномъ зёрнами будущаго развитія, зародышами новой всемірной эпохи — я почувствовалъ, что надо отложить самолюбіе въ сторону. Было-бы грѣшно Русскому, знакомому съ элементами новой Славянской жизни, не вникнуть въ нее глубже, имѣя на то время и способы. Было-бы грѣшно — вникнувши, таить про себя сознаніе ея великаго значенія, и не присоединить своего слабаго голоса къ тѣмъ немногимъ голосамъ, которые говорили уже о ней въ нашемъ отечествѣ, заглушаемые говоромъ несвѣдущихъ, близорукихъ и недоброжелателей.

Но прежде, нежели я приступлю къ главному предмету, считаю не лишнимъ сказать тебѣ нѣчто о мѣстѣ, гдѣ я наиболѣе сблизился съ Славянами, и откуда всего яснѣе можно обозрѣвать совокупность ихъ движенія, куда примыкаетъ борьба ихъ съ чуждыми элементами,—я говорю о Вѣнѣ, какъ первенствующемъ городѣ Австрійскаго государства.

Въ Вѣну я прибылъ въ началѣ Октября прошлаго года; а потому зналъ ее сначала въ шубѣ, или ско-

рѣе въ пальто, теперь вижу ее въ лѣтнемъ костюмѣ. Семимѣсячное пребываніе конечно достаточно, чтобы пріобрѣсть довольно ясное понятіе о городѣ, который имѣетъ значеніе Европейское, только какъ мѣстопребываніе кабинета сильной имперіи, и котораго вліяніе нравственное, слава Богу, не простирается даже на всю Австрію.

Вообще въ сѣверной и западной Германіи имѣютъ очень не высокое понятіе объ Австрійской образованности; рѣдко и почти съ пренебреженіемъ говорятъ о здѣшней дѣятельности умственной и художественной. Когда же пріѣдешь въ Вѣну и разговоришься съ первымъ Вѣнцемъ, то подумаешь, что напалъ на человѣка съ другаго свѣта, — съ такимъ восторгомъ отзывается онъ о своемъ городѣ, превознося его до небесъ. Сначала трудно объяснить это противорѣчіе; но, вглядѣвшись нѣсколько въ пустоту и ничтожество Вѣнской жизни, невольно долженъ пристать къ мнѣнію Нѣмцевъ объ ихъ Австрійскихъ братьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣна и вообще Австрія не приноситъ въ настоящее время никакой дани Нѣмецкой образованности, едва слѣдитъ за нею, и то издали, только въ матеріальныхъ интересахъ, чуждыхъ національности. Въ настоящее время я не знаю здѣсь ни одного имени, съ авторитетомъ на всю Германію, имени, которое-бы помѣщалось въ спискѣ первоклассныхъ знаменитостей науки, искусства, тѣмъ менѣе общественной дѣятельности. Въ отношеніи къ наукѣ, Австрія никогда не занимала передняго мѣста, — всегда она была лѣнивымъ ученикомъ, изгнаннымъ на послѣднюю лавку.—Столица государства обыкновенно сосредоточиваетъ ученыхъ

дѣлателей общественнаго сознанія; но, какъ ни безкорыстна всякая ученая дѣятельность, напрасно думаютъ, будто она можетъ существовать исключительно для самой себя; гдѣ нѣтъ отголоска, опоры въ обществѣ, тамъ она не развивается, хилѣетъ и вянетъ. Можно-бы далёко преслѣдовать причины этого явленія, страннаго, если сообразимъ матеріяльныя силы государства, его обширность и господство германскаго элемента, такъ блистательно развивавшаго себя въ самыхъ малыхъ кругахъ своего союза. Конечно, одною изъ главныхъ причинъ было тяготѣніе латинской Церкви, или лучше ея іерархіи и монашескихъ орденовъ, проникавшее во всѣ поры огромнаго тѣла. Этому вліянію должно приписать незавидное состояніе школъ, особенно высшихъ, т. е. университетовъ. Схоластическое преподаваніе, мало приноровленное къ потребностямъ времени, до сихъ поръ господствуетъ въ низшихъ училищахъ, состоящихъ большею частію подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ духовенства. Мало заботятся о развитіи ума: учитель, имѣя опредѣленныя книги для руководства, часто требуетъ одного механическаго ученія наизусть. Разумѣется, ученики, такъ подготовленные, не понимаютъ значенія и требованій университетскаго преподаванія. Я здѣсь умалчиваю о положеніи дѣтей другаго племени, обязанныхъ слушать нѣмецкія лекціи и учиться по нѣмецкимъ книгамъ, въ которыхъ они сначала не понимаютъ ни слова.

Если сравнить состояніе Австрійскихъ университетовъ съ значеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній прочей Германіи, то нельзя не подивиться слабости первыхъ. Въ Германіи каждый университетъ есть

средоточіе самостоятельной ученой дѣятельности; въ маленькомъ городкѣ вы найдете нѣсколько именъ уважаемыхъ въ учёномъ мірѣ; въ Австріи университеты прозябаютъ незамѣтно, это не болѣе какъ посредственныя школы. Въ Вѣнѣ никто не говоритъ и не слышитъ о профессорахъ, тѣмъ менѣе о студентахъ. Одинъ медицинскій факультетъ удерживаетъ до сихъ поръ за собою нѣкоторую заслуженную знаменитость,—особенно въ практическомъ приложеніи.

Казалось-бы, не трудно слѣдовать по стопамъ знаменитыхъ учителей, своихъ-же соплеменниковъ, если нѣтъ творческаго начала; германская наука могла-бы легко быть усвоена Нѣмецкою Австріею. Но корень неудачныхъ попытокъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, идетъ гораздо глубже, нежели обыкновенно воображаютъ. Я убѣжденъ, причиною этому то, что Австрія не есть Нѣмецкое государство.— Въ недавнее время нѣсколько людей, сумазбродовъ по мнѣнію космополитовъ, — великихъ знаніемъ и стремленіями, по мнѣнію благородно преданныхъ отчизнѣ,—открыли въ Австріи новое племя—Славянское, которое какъ будто вдругъ выросло изъ земли послѣ благодатнаго дождя, тамъ, гдѣ прежде его и не подозрѣвали. Всматриваясь далѣе, замѣтили, что это племя составляетъ свое особенное цѣлое, хотя и раздробленное временемъ и враждебною судьбою, что оно имѣло свою исторію, т. е. особенную самостоятельную жизнь, не рѣдко увѣнчанную лаврами славы и миртомъ мирныхъ искуствъ; наконецъ, что̀ всего важнѣе, что духовный составъ его враждебно противоположенъ Нѣмецкому, и, не смотря на вѣковое подчиненіе политическое,

религіозное, на совершенную беззащитность младенческаго образованія передъ состарѣвшимся Нѣмецкимъ, посѣдѣвшемъ въ системѣ нравственнаго порабощенія,—этотъ духовный составъ сохраняетъ свой типъ, и на зло единицамъ, которыя преклоняются передъ необходимостію, продолжаетъ борьбу даже въ сердцѣ враговъ своихъ, даже передаваясь на ихъ сторону.—То, что сначала возбуждало недовѣрчивость и удивленіе—теперь сдѣлалось естественнымъ явленіемъ.—Могло-ли быть иначе съ великою семьёю народовъ, обнимающею шестую долю земнаго шара, которой родословное древо простираетъ свои корни во времена незапамятныя и покрываетъ вѣтвями неизмѣримыя пространства, какія не доставались въ удѣлъ ни одному племени на земномъ шарѣ? Въ жизни человѣчества оно призвано играть столь-же важную роль, какъ и племена Германское и Романское, раздѣляющія съ нимъ Европу. — Въ столкновеніи съ этими народами нѣкоторыя его отрасли должны были погибнуть, могли быть изломаны, обезображены — но громадный стволъ дерева, приливомъ свѣжихъ жизненныхъ соковъ, безпрестанно вознаграждаетъ потерянное, и пускаетъ новые ростки.

Вамъ извѣстно, что Славяне составляютъ половину всего населенія Австріи; другая половина раздѣлена между Мадьярами, Итальянцами, Волохами, Нѣмцами и пр.—Современное намъ возрожденіе Славянства въ Австріи показываетъ, что ей достались не сухія вѣтви нашего племени; на нашихъ глазахъ онѣ воскресли къ самосознанію, въ минуту, когда можно было ихъ считать на-всегда погибшими. Но можно-ли думать, чтобы онѣ гораздо прежде не имѣли

вліянія на жизнь государства? Сила Божія воскрешала мертвыхъ людей; но народы умершіе не воскресаютъ. И наши западные братья не были мертвы, а только казались такими. Они имѣли свою долю хотя нѣмаго, страдательнаго участія въ историческомъ развитіи; были исполнителями чужихъ повелѣній, слѣдовали по стопамъ наставниковъ чужаго образованія. — Какъ ни удивляются способности Славянъ усвоивать себѣ все иноплеменное; но, мнѣ кажется, это только способность послушанія, страдательной покорности, къ несчастію, заходившей часто слишкомъ далеко. Нѣмецкій элементъ такъ діаметрально противорѣчитъ Славянскому духу, такъ совершенно чуждъ ему, что внутренняго, органическаго соединенія не могло произойти. Славяне не могли переродиться въ Нѣмцевъ; часть ихъ сдѣлалась только послушнымъ орудіемъ, не болѣе. Совокупность Славянскаго племени останавливала самостоятельное развитіе Нѣмецкаго образованія въ Австріи; во всякомъ случаѣ не могла принимать въ немъ дѣятельнаго участія, не могла придать своихъ производительныхъ силъ ненавистной цивилизаціи, тяготѣвшей насильнымъ принужденіемъ и ухищреніями своей макіавельской системы.—Нѣмцы въ Австріи, окруженные моремъ иноплеменниковъ, то враждебныхъ, то равнодушныхъ къ ихъ призывамъ, предоставленные самимъ себѣ—были обречены на ничтожество. Они употребили свои средства на борьбу насилія, въ которой, уничтожая благороднѣйшее достояніе народа, духовный составъ, и языкъ, какъ его выраженіе,— сами потеряли изъ виду высшія цѣли, предоставленныя Провидѣніемъ народному существованію.

Вотъ, по моему мнѣнію, причина существенная не-

завидной роли, доставшейся Австріи въ кругу Нѣмецкихъ владѣній: ее обогнали на всѣхъ путяхъ образованія самые младшіе ея братья.—Не пускаясь въ дальнія изысканія, мы можемъ видѣть слѣдствія этой причины во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни.

Старая и неотвержимая истина, что безъ самостоятельнаго, органическаго развитія самобытныхъ силъ духовныхъ, быть не можетъ достоинства въ произведеніи и всякая дѣятельность неминуемо перерождается въ подражаніе и оставляетъ своимъ плодомъ не собственное созданіе, а копію съ оригинала, чуждаго жизни, насъ окружающей. Сколько подобныхъ опытовъ видимъ мы въ нашемъ отечествѣ, начиная съ техническихъ пріемовъ матеріяльной жизни и до высшей области искуства и словесности. Здѣсь есть впрочемъ существенное различіе въ причинахъ, слѣдственно и въ явленіяхъ. У насъ духъ сохранилъ свою самостоятельность, святилище его осталось не тронутымъ; подчиненіе чужому вліянію было добровольное увлеченіе, чистилище необходимое для молодаго народа, вступившаго въ новый періодъ существованія. Чтобы усвоить новые элементы при столь быстромъ переходѣ, надо было начать слѣпымъ подражаніемъ;—но время самосознанія наступаетъ, мы можемъ по праву надѣяться, что внутреннія силы, покоившіяся до сихъ поръ въ тайникахъ своихъ, выйдутъ на свѣтъ, и бодро овладѣютъ историческою народною жизнію.—Да послужатъ намъ урокомъ и предостереженіемъ печальныя судьбы нашихъ западныхъ братій. Съ горестію надо сознаться, что они подставляли выю подъ иго чужаго образованія еще во время своей политической независимости. Окончательное порабощеніе было,

можно сказать, слѣдствіемъ зловреднаго сѣмени, породившаго раздоръ, а потомъ изнеможеніе въ составѣ народнаго тѣла. Такова была судьба Чеховъ, которые до Гуса, т. е. въ XIII и XIV в., имѣли уже двѣ партіи — нѣмецкую и народную: когда религіозные вопросы вызвали ихъ на борьбу между собою,—кровавая расиря кончилась уничтоженіемъ послѣдней. Народъ, составлявшій особенное государство, не только потерялъ свою независимость, но и существованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова; сталъ умаляться числительно, какъ будто опустошаемый моровою язвою, и только перстъ Провидѣнія не допустилъ ему исчезнуть съ лица земли (*). Тоже, въ другихъ видоизмѣненіяхъ, совершилось съ прочими Славянскими племенами, подпавшими австрійско-нѣмецкому владычеству. Но горе и несчастіе нашего племени не могло обратиться на пользу и славу торжествующему; какъ угрызеніе совѣсти, какъ гробовое привидѣніе, славянскій духъ преслѣдовалъ побѣдителя на всѣхъ его путяхъ и довелъ до изнеможенія. Что ни предпринималъ послѣдній, къ чему ни стремился — всё не удавалось, всё оставалось слабою попыткою, выходило изъ рукъ неконченнымъ, безобразнымъ слѣпкомъ. Посмотрите на

(*) Тому 30 лѣтъ во всей Чешской землѣ было не болѣе десяти человѣкъ, которые сознавали свою Чешскую національность. Собравшись разъ вмѣстѣ, они стали толковать о несчастной судьбѣ отчизны и одинъ изъ нихъ сказалъ: «братья, разойдемся скорѣе: если на насъ упадетъ потолокъ комнаты, то не останется на свѣтѣ ни одного истиннаго Чеха.» Теперь въ Прагѣ выходятъ Чешскіе журналы и Матица Чешская имѣетъ нѣсколько сотъ членовъ.

область искусства — на это елисейское поле, гдѣ растетъ благоуханный цвѣтъ нашей духовной природы, гдѣ ублажаются души избранныхъ: участокъ Австріи поросъ крапивой и терніемъ, между которыми свѣтотатственной рукою воткнуты кое-гдѣ искуственные цвѣты изъ воску и тряпокъ.

Обращусь за доказательствами къ Вѣнѣ. Ходя по ея улицамъ, спрашиваешь себя – гдѣ-же слѣды этого многочисленнаго поколѣнія Императоровъ? Неужели оно не оставило послѣ себя величественныхъ памятниковъ, посвященныхъ общественной пользѣ, благочестію, или украшенію царственной столицы, увеселенію ея жителей? Столь долгое, матеріяльно цвѣтущее существованіе должно было воздѣлать почву, довести общество до той степени образованія, когда оно любитъ воздвигать зданія на память потомкамъ, когда дѣятельность въ области изящнаго становится потребностію его жизни. — Напрасно тѣснятся въ васъ эти мысли—вы не находите имъ отвѣта, оправданія. Начиная съ древнѣйшихъ зданій до тѣхъ, гдѣ еще не положенъ послѣдній камень, глазъ простаго наблюдателя находитъ совершенное отсутствіе стиля, соразмѣрности въ частяхъ и вкуса въ подробностяхъ. Соборъ Св. Стефана, строгій, величественный, громадный, посреди необозримаго стада строеній, столпившагося у его подножія, служитъ какъ будто укоромъ мелочному позднѣйшему поколѣнію. Огромное зданіе стоитъ почернѣвшее, почти предоставленное разрушительнымъ стихіямъ, недоконченное; по малому вниманію, которое обращаютъ

на него, видно, что мало кто имъ любуется, и еще менѣе принимаютъ участія въ его изяществѣ, цѣнятъ его красоту.—Не говоря уже о томъ, что только одна башня докончена, а надъ другою придѣлана безобразная нахлобучка,—самыя мелочи остаются неисполненными, или безъ поправки. Прекрасная рѣзная работа оконъ, парапетовъ, выступовъ—разрушается, хотя поправка не требовала-бы большихъ пожертвованій. Когда большая часть Кельнскаго собора достроивается въ незначительномъ городѣ въ сравненіи съ Вѣною, Вѣнцы не имѣютъ столько гордости, чтобы воздвигнуть одну башню для довершенія единственнаго зданія, которымъ могутъ гордиться. Внутренность церкви, прекраснаго готическаго стиля, съ крестчатыми поясными сводами, съ величественными столбами, мелко прорѣзанными, какъ связки камыша,—непростительно обезображена маленькими алтарями стиля возрожденія, неуклюжо прислоненными къ почтеннымъ старымъ столбамъ. Главный алтарь, къ которому невольно стремится взглядъ, пробѣжавъ внутреннее пространство, непріятно поражаетъ васъ своими дорическими колонами и классическимъ фронтономъ, рѣзко противорѣчащимъ готическому вмѣстилищу. Словомъ, всё что добавлено, или докончено въ послѣдствіи, послужило только къ искаженію величественнаго памятника XIV стол.

Вообще, въ архитектурѣ Вѣнской, чѣмъ ближе подвигаешься къ нашему времени, чѣмъ позднѣе строеніе, тѣмъ отсутствіе стиля, безвкусіе дѣлается чувствительнѣе. Иныя зданія, въ которыхъ хотѣло именно выразиться мастерство архитектора, удивляютъ своею нелѣпостію,—это архитектура непостижимаго

рода и времени — французское рококо съ примѣсью Нѣмецкихъ выдумокъ. Образчикомъ можетъ служить недавно оконченная церковь въ Леопольдштатѣ (на Егерцейле) — пятно неизгладимое для современнаго вѣнскаго зодчества: довольно сказать, что оно подвергается критикѣ самихъ Вѣнцевъ. — Всего невыгоднѣе представляются Вѣнскія постройки, возвращающемуся изъ Италіи. Послѣ классической страны, гдѣ вы удивляетесь и поучаетесь, слѣдя за тысячелѣтнимъ ходомъ творческой художественной силы, съ первыхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ ея проявленія, до превосходныхъ своею окончennостію памятниковъ разцвѣта языческаго міра и до произведеній неудовлетворенной, влекущей къ небу идеи Христіанской; послѣ того, какъ вокругъ себя вы видѣли гармонію идеи съ жизнію,—вы попадаете въ среду хаотической нелѣпости, коей прихоти безполезно даже изслѣдовать потому, что вы не откроете въ нихъ ни искры творчества. Здѣсь люди не знали другаго стремленія, кромѣ удовлетворенія потребности имѣть кровъ и матеріяльно удобное жилище; имъ по слухамъ было знакомо искусство, и дѣтски, неуклюжо примѣняя его, они промѣняли обиходныя формы, обреченныя невниманію, на нелѣпость, бросающуюся въ глаза каждому.

Нужно-ли говорить вамъ послѣ этого о другихъ отрасляхъ образовательнаго искусства?—Ни ваяніе, ни живопись, не укрываютъ насъ отъ непогоды, не даютъ щегольской одежды (напротивъ показываютъ нелѣпость настоящей), не дѣлаютъ лакомѣе яствъ, — для чего же о нихъ заботиться, къ чему они?—такъ вѣроятно разсуждали Вѣнцы издавна. Надо отдать имъ справедливость: они исполнили силлогизмъ

логически, и никогда не принимались за рѣзецъ или кисть — съ художественною цѣлью, т. е. для нихъ самихъ. Если-бы послѣ какого нибудь міроваго переворота уцѣлѣло только то, что сдѣлано австрійскими художниками въ этомъ родѣ, то ни одинъ самый мечтательный нѣмецкій эстетикъ не осмѣлился-бы утверждать, что искусство существуетъ для самого себя, что творенія его суть изліянія внутренней духовной силы во внѣшности, олицетворенія ея въ видимыхъ образахъ, что это гармонія идеи съ формою, и т. п. Впрочемъ не подумай, чтобы Вѣна не обладала замѣчательными художественными произведеніями; картины и статуи можно привезти изъ дальнихъ странъ. Когда наступило время моды на искусство, когда образчики его сдѣлались необходимою принадлежностію придворнаго и аристократическаго великолѣпія,—тогда ни дворъ, ни магнаты не жалѣли большихъ суммъ для пріобрѣтенія чужеземныхъ драгоцѣнностей, и въ здѣшнихъ галлереяхъ и собраніяхъ ты встрѣтишь много именъ знаменитыхъ художниковъ, много рѣдкихъ древностей, которыя-бы заняли почетное мѣсто въ сокровищницахъ Рима и Неаполя.

ПИСЬМО II.

Одно искусство, на которое Вѣнцы могутъ объявить притязанія, – это музыка, — и то разумѣется по древнему преданію. Гайденъ, Моцартъ, Бетговенъ— первокласныя свѣтила, провели жизнь свою въ Вѣнѣ и умерли въ ней. Шубертъ былъ Вѣнецъ, Веберовъ Фрейшюцъ — пріобрѣлъ свою извѣстность въ Вѣнѣ. Много другихъ знаменитыхъ именъ украшаютъ музыкальную лѣтопись этого города. Въ наше время Тальбергъ положилъ въ Вѣнѣ основаніе новому характеру фортепьянной музыки и исполненія. Вообще со времени славнаго тріумвирата Вѣна получила какой-то авторитетъ въ музыкальномъ мірѣ Германіи. Сюда не пріѣзжали дѣлать извѣстность, какъ ѣздятъ въ Парижъ, гдѣ судитъ несвѣдующая толпа; а являлись уже приготовленными къ требованіямъ критики, съ надеждою выдержать и нападки. Здѣсь изучали музыку, какъ высокое искусство. Но вліяніемъ матеріяльной жизни, развившейся въ послѣднее время утратилась эта безкорыстность. Откуда-же взялась эта творческая сила, проявлявшаяся здѣсь нѣкогда блистательно? По моему мнѣнію, она должна быть отнесена на счетъ Славянскаго элемента, проникающаго Австрію. Извѣстно, что Моцартовъ Донъ-Жуанъ, появился на сцену первый разъ въ Прагѣ; великій композиторъ отзывался въ послѣдствіи, что нигдѣ исполненіе не соотвѣтствовало въ такой степени его мысли. Это не должно казаться удивительнымъ, потому что Чехъ узнаетъ

въ Донъ-Жуанѣ множество своихъ народныхъ мелодій; а кому неизвѣстны удивительныя музыкальныя способности Чеховъ, — ихъ истинно музыкальный организмъ, равняющійся итальянскому? Въ безсмертныхъ симфоніяхъ Бетговена вы нерѣдко встрѣтите главные мотивы чисто Славянскіе (напр. въ первомъ аллегро и въ минуетѣ пятой, многіе въ шестой, второй мотивъ въ первомъ аллегро симфоніи героической). Это требуетъ нѣкотораго объясненія.

Безъ сомнѣнія, велика творческая сила генія; но она не сила божеская, она не творитъ изъ ничего: она только переработываетъ, строитъ, сообразно безсмертной своей идеѣ изъ элементовъ жизни, развиваетъ и преображаетъ ихъ въ великое цѣлое. Тоже и въ музыкальномъ произведеніи — великіе композиторы являлись у народовъ, одаренныхъ музыкальною натурою, и только переработывали, пересоздавали народные напѣвы.— Изъ Европейскихъ народовъ, я знаю только двухъ, получившихъ отъ природы задатки музыкальнаго развитія: Итальянцевъ и Славянъ. Музыкальный организмъ первыхъ конечно полнѣе Славянскаго, потому уже, что онъ проявляется въ соразмѣрности и округлости, свойственной только классическимъ народамъ. Притомъ, онъ имѣлъ время развиться вполнѣ: геній итальянской музыки прошелъ всѣ степени своей жизни, и теперь достигъ если не періода дряхлости, по крайней мѣрѣ, такого, откуда поступательное движеніе уже не возможно, сообразно его началамъ. Напротивъ, Славянская музыка существуетъ только in rudimentis — стихіи ея разсѣяны еще по лицу міра; но

она разнообразнѣе, многостороннѣе, глубже, нежели звуки счастливой Авзоніи. Можно сказать, что одни относятся къ другимъ, какъ мечты чувства Христіянскаго къ языческимъ фантазіямъ. Въ итальянской мелодіи все ясно, стройно и чувственно, иногда сладострастно; въ Славянскомъ напѣвѣ все неопредѣлительно, скорбно, глубоко. Притомъ, какое неисчерпаемое богатство въ разсѣянныхъ и разрозненныхъ Славянскихъ племенахъ, обитающихъ въ различныхъ климатическихъ полосахъ, раздѣленныхъ въ продолженіи вѣковъ, какъ будто нарочно для того, чтобы онѣ имѣли возможность развить безпрепятственно всѣ стороны своей природы, всѣ звуки Славянской души; терпѣвшихъ и терпящихъ великія нравственныя утѣсненія, какъ будто для того, чтобы стѣсненное чувство выливалось въ звукѣ, въ пѣсни.

По положенію нашему, намъ Русскимъ, всего удобнѣе съ высоты нашей великой самостоятельности обнимать явленія цѣлаго Славянскаго міра; понять ихъ значеніе и развить до великаго цѣлаго—есть наша обязанность. Но это сознаніе едва пробуждается въ общемъ, оно еще не коснулось никакого отдѣла жизни. Въ области музыки наши самые талантливые дѣлатели еще не догадываются, какія сокровища содержитъ народная почва. Одни изъ нихъ, воспитанные нѣмецкими теоріями, или пріучившіе ухо къ Италіянскому складу пѣнія, дѣлаютъ неудачныя попытки въ иностранномъ родѣ, неудачныя, какъ всякое подражаніе тому, что несвойственно внутреннему организму духа; другіе, обратившіеся къ народной музыкѣ и создавшіе нѣсколько бли-

стательныхъ явленій, еще не знаютъ о существованіи роднаго Славянскаго міра, который, своимъ разнообразіемъ и неисчерпаемымъ богатствомъ могъ бы служить имъ неизмѣримымъ пособіемъ въ ихъ творчествѣ. Пора намъ убѣдиться, что сколь ни полезно изученіе Нѣмецкихъ теорій, оно однакоже не даетъ намъ духа жизни. Нѣмцы, съ свойственною имъ логикою анализа, разложили начала состава звуковъ, но для насъ эти правила односторонни, иногда даже разрушительны; потому что Славянская музыка допускаетъ сочетанія и переходы, которыхъ западная не имѣетъ. Намъ надо создать свою теорію; по крайней мѣрѣ, опредѣлить особенности и сущность характерическаго отличія, составляющаго основу нашего элемента. Пока мы будемъ вскармливать себя чужимъ молокомъ, пока не будемъ видѣть далѣе горизонта нашихъ наставниковъ, до тѣхъ поръ творчество не осѣнитъ насъ, мы останемся слабыми учениками, ничтожными подражателями. И кому подражаемъ мы? есть-ли въ настоящее время, въ западномъ музыкальномъ мірѣ свѣтила, которыя бы освѣщали его яркимъ, незаимствованнымъ свѣтомъ? По истинѣ, они закатились и, я думаю навсегда. Итальянцы тщутъ поддержать свой родъ полнотою, богатствомъ гармоническихъ сочетаній, переходящимъ нерѣдко въ оглушительный шумъ и трескъ, (оперы Верди); Нѣмцы не знаютъ, какому патрону молиться. Въ инструментальныхъ сочиненіяхъ видно одно холодное исполненіе узаконенныхъ условій, въ родѣ упражненій на заданныя правила; въ операхъ—наборъ разорванныхъ фразъ, силящихся выразить отдѣльные моменты драматическихъ положеній.

Не упрекните меня въ дерзости; но мнѣ кажется, Нѣмцы никогда не постигали смысла оперы; или лучше — ихъ музыка, по преимуществу отвлеченная, способна выражать идеи, но не чувства; отъ того они произвели много превосходнаго въ инструментальныхъ композиціяхъ и ничего для пѣнія, способнаго потрясти, увлечь слушателя. Какъ и всѣ искусства, такъ и музыка досталась имъ не въ слѣдствіе природнаго расположенія, чутья къ изящному, а помощію неутомимаго, послѣдовательнаго труда и критической логики. Оглядываясь безпрестанно на предшественниковъ, отвлекая малѣйшія условія, приводя въ правила все что можно уловить въ актѣ созданія, они, по видимому, создали какой-то родъ, но это скорѣе отсутствіе, или вѣрнѣе отвлеченіе разныхъ родовъ. Знаю, вы мнѣ противоставите имена Гайдена, Моцарта, Бетховена, Вебера; но эти геніи велики по стольку, по скольку умѣли совлечься своей анти-музыкальной національности. Я уже намекнулъ Вамъ, на какой почвѣ и изъ какихъ матеріяловъ создали они свои великіе памятники. Можно-ли назвать на примѣръ оперы Моцарта Нѣмецкими, когда почти каждой ихъ мелодіи вы находите соотвѣтствующій Итальянскій или Славянскій напѣвъ. Веберъ, даже великій Бетховенъ, послѣ блистательныхъ усплій, пали въ борьбѣ съ Нѣмецкимъ элементомъ; ихъ оперы должны были замолкнуть подъ его давленіемъ. Блистательное созвѣздіе въ мірѣ драматической музыки могло явиться у Нѣмцевъ только въ то время, когда они, въ своемъ эклектизмѣ, безразлично обнимали духовную жизнь другихъ народовъ, когда они увлекались ею и усвояли себѣ ея стихіи. Это было время Фридри-

ха II, гуманнаго Гердера, время молодости Шиллера и Гёте, когда отвлеченная идея человѣчества присутствовала во всѣхъ умахъ. Это было также время Генделя, Гайдена, Моцарта, Бетховена—принадлежавшаго къ своимъ предшественникамъ по направленію (*).—Но когда возникло національное стремленіе въ Германіи, вызванное борьбою за политическую независимость, когда оно отозвалось въ наукѣ и въ искусствѣ, тогда музыка должна была пасть, потому что и въ ней захотѣли ограничиться однимъ своимъ міромъ, не замѣчая недостатка средствъ То, что положило начало современному образовательному искусству Германіи, то что дало ему настоящее значеніе, послужило къ упадку Нѣмецкой музыки, которая не имѣя корней въ народной почвѣ, не могла найти въ ней живительныхъ соковъ питанія.—Въ настоящее время—что̀ выражаетъ масса Нѣмецкихъ оперныхъ композиторовъ (потому что я здѣсь по преимуществу говорю объ операхъ)? не совершенное-ли отсутствіе чувства, души, увле-

---

(*) Извѣстно, что Бетховенъ былъ космополитный республиканецъ по образу мыслей и никогда не думалъ о національности; поклонникъ Бонапарта, онъ былъ увѣренъ, что первый Консулъ ратуетъ за всемірную республику. Героическая Симфонія была нарочно сочинена для него Бетховеномъ и вмѣстѣ съ посвященіемъ изготовлена къ отправкѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Бонапартъ сталъ Императоромъ Наполеономъ; Бетховенъ въ припадкѣ негодованія сорвалъ посвященіе и бросилъ тетрадь подъ столъ, гдѣ она пролежала довольно долго, пока пріятели не уговорили маэстро выдать ее въ свѣтъ, подъ названіемъ Simfonia eroica. Во время нашествій Французовъ Бетховенъ ни разу не покидалъ Вѣны.

ченія, нѣвучаго инстинкта — т. е. — отсутствіе мелодіи, сердечнаго звука, того, что не пріобрѣтается изученіемъ? Въ этѣхъ операхъ, которыхъ партитуры выработаны съ такимъ усильнымъ тщаніемъ, съ такимъ знаніемъ гармоніи, съ такими пособіями инструментовки, въ нихъ нѣтъ иногда живой ноты, нѣтъ фразы, нѣтъ звука, способнаго потрясти сердечную струну. Сочинители не обладаютъ даже настолько воображеніемъ, чтобы дать художественную округлость, полноту періоду; бѣдность мысли обнаруживается въ безпрестанной отрывочности, въ несвязномъ ходѣ фразъ, которыя усильно подобраны одна за другою. И передъ этими наставниками, мы благоговѣемъ, какъ передъ высшимъ судилищемъ, на которое нѣтъ апеляціи; изучаемъ съ подобострастіемъ его изрѣченія, и наперекоръ внутреннему отвращенію, насильно заставляемъ себя удивляться, въ потѣ лица ищемъ высшаго смысла тамъ, гдѣ нѣтъ никакого.

Слава Богу, у насъ явились однакожъ композиторы, которые поняли причину общаго равнодушія, и обратились на лучшій путь. Успѣхъ, увѣнчавшій произведенія Алабьева, Глинки, Верстовскаго указалъ, гдѣ должно искать пищи русскому композитору; если этотъ успѣхъ не достигъ еще высшей степени, если достоинство произведеній не можетъ имѣть бо́льшихъ притязаній; то это потому, что сочинители не обняли задачи во всей ея обширности, что они заключились въ кругу руской народности, не воспринявъ музыкальныхъ стихій обще-славянскаго міра. Чтобы понять ихъ, чтобы проникнуться этими стихіями, необходимо тѣсно ознакомиться со всѣми оттѣнками духа Славянской музыки, выражающимися

въ напѣвахъ разныхъ племенъ; они найдутъ въ нихъ всѣ стороны жизни, всё нужное для разнообразнѣйшихъ положеній, для всѣхъ движеній внутренняго существованія (*).

Эпическая простота Сербскаго речитатива, мужественный, воинскій характеръ напѣвовъ Хорватскихъ, нѣжная унылость и тоска любви, выражающіяся въ Чешскихъ и Моравскихъ, безотрадная грусть пѣнія Словацкаго—всѣ эти многообразныя преломленія единаго народнаго чувства, присоединенныя къ яркимъ цвѣтамъ племенъ нашего великаго отечества, составятъ особенный, чарующій міръ звуковъ, которому ничего подобнаго не имѣетъ весь западъ. Намъ надо генія, который-бы волшебнымъ жезломъ творчества открылъ тайники Славянской музыкальной души; тогда западъ преклонитъ колѣна передъ неслыханною музыкою.

Не пеняйте меня за отступленіе,—мнѣ отрадно говорить о полнотѣ будущаго, насъ ожидающаго, если только судьба допуститъ насъ исполнить свое назначеніе.—Но послѣдовательность требуетъ возвратиться къ Вѣнцамъ. Что же дѣлаютъ соплеменники Гайдена, Моцарта, Бетховена? Артисты копа-

---

(*) Вмѣсто того, чтобы ѣздить въ Парижъ, если-бы Глинка или Дорогомыжскій поѣздили по Италіи, Моравіи, Хорватской, Сербіи и другимъ Славянскихъ землямъ, то они-бы воротились съ запасомъ драгоцѣнныхъ сѣмянъ, которыя, воздѣланныя ими, дали-бы имъ обильную жатву. Имъ-бы открылся міръ новый и вмѣстѣ знакомый, свой; поле, ожидающее только способной руки.

ются въ оставленныхъ ими партитурахъ, изучаютъ каждую ноту, повторяютъ безпрестанно ихъ произведенія—и только. Что являлось новаго въ мое время—не болѣе какъ бѣдные сколки съ формы учителей, разумѣется при отсутствіи духа. Жизнь улетѣла; остались одиѣ техническія орудія и пріемы великихъ мастеровъ предковъ; мѣлкое потомство всячески старается воспользоваться ими; хватается за всѣ рычаги великой машины, но она издаетъ только отрывочные звуки, нѣтъ силъ одушевить ее снова, заставить говорить.— Въ бытность мою въ Вѣнѣ ни одно современное произведеніе не имѣло успѣха ни на сценѣ, ни въ концертахъ; только инструментальное исполненіе, конечно безукоризненное, заслуживало одобреніе. Но толпа, публика находитъ себѣ пищу въ музыкѣ другаго рода; она не обращаетъ вниманія на важныхъ предковъ—Штраусъ вотъ ея идолъ; третій Владыка въ Вѣнѣ. Зимою въ залахъ, блестящихъ свѣтомъ, лѣтомъ въ павильонахъ, подъ открытымъ небомъ, на гульбищахъ, Штраусъ своими вальсами привлекаетъ послушную толпу, которая конечно въ отношеніи къ нему не заслуживаетъ названія вѣтреной. Можно сказать, что Вѣнцы носятся въ утробѣ матери, почти родятся, но конечно выростаютъ, живутъ и умираютъ подъ звуки вальса. Истый Вѣнецъ считаетъ тотъ день потеряннымъ, nefastus dies, въ который онъ не слышалъ Wiener Früchteb, или Odeon-Tänze, или Loreley-Klänge, или Roza-Walzer и пр. и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что такое воспитаніе и подобный акомпаниманъ въ продолженіи жизни, должны имѣть особенное вліяніе на общій характеръ населенія. Говорятъ, что древніе въ комнатахъ беременныхъ женщинъ по-

мѣщали изображенія красивыхъ юношей, для того чтобы дитя было красиво; мнѣ кажется, что звуки должны въ этомъ случаѣ имѣть еще большее дѣйствіе въ отношеніи къ характеру, нежели образы въ отношеніи къ наружности; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ порода Вѣнцевъ. Гдѣ можно найти столько легко живущихъ людей, какъ въ Вѣнѣ, столько беззаботности, довольства самимъ собою и всѣмъ окружающимъ, — истиннаго земнаго блаженства? Едва Вѣнецъ проснется, какъ бросается къ окну смотрѣть, какова погода, потомъ онъ суръезно занимается рѣшеніемъ вопроса: какимъ образомъ употребить день, на какое собраніе, на какое гульбище отправиться. Рѣшивъ эту трудную задачу, онъ вылѣтаетъ какъ птица изъ клѣтки, съ свободною, воспріимчивою душою, не тревожимый высшими побужденіями, и возвращается домой около полуночи, развѣ только жалуясь на 3 крейцера шперъ-гельдъ, которые послѣ 10 часовъ должно платить дворнику.

Не думаю, чтобы гдѣ нибудь среднее сословіе столько веселилось, или чтобы гдѣ болѣе было праздношатанія, какъ въ Вѣнѣ. Надо нарочно воспитать людей, извѣстнымъ способомъ откормить ихъ, чтобы довести до этой степени умственной беззаботности, и отдать во власть матеріяльнымъ инстинктамъ. — Правда, для достиженія этого употребляются всѣ средства; дурныя и самыя похвальныя, самыя человѣческія, не имѣютъ кажется другой цѣли. — Мѣлкія блаженства Вѣнской жизни, удобства разсѣянности, вялыя забавы и дешевой развратъ составили извѣстность этого города, достигнутую малыми средствами, или лучше, соединеніемъ посредственнаго. — Зимою, это безчисленные танцовальные вс-

чера за деньги — редуты, гдѣ платится за входъ около цѣлковаго, балы въ залахъ Одеона, Шперля, въ трактирахъ, корчмахъ — исходящіе въ цѣнѣ до гривенника. Кромѣ того, такъ называемые Abend-Unterhaltung, гдѣ подъ звуки вальсовъ и кадрилей слушатели пьютъ пиво, закусывая ветчиной и вюрстелями. Съ наступленіемъ карнавала, продолжающагося отъ праздника Рождества до начала Поста, число этихъ увеселеній умножается постепенно до невѣроятности; приходишь въ изумленіе при видѣ безчисленныхъ объявленій, покрывающихъ всѣ углы улицъ, и завлекающихъ прохожихъ цвѣтами своего краснорѣчія, обѣщая всегда ein brillantes Fest; при чемъ упоминается, что приложена особенная забота о кухнѣ, столъ имѣется отличный и по самымъ дешевымъ цѣнамъ.—Можно сказать, что Вѣнцы только въ этомъ отношеніи посягаютъ на грандіозное; гдѣ дѣло идетъ объ увеселеніи извѣстной публики, тутъ являются антрепренеры, рискующіе цѣлыми капиталами на учрежденія подобнаго рода, тутъ даже неудачи и банкротства не отбиваютъ охоты на новыя попытки.

Не такъ давно существовала въ Вѣнѣ зала, заключавшая въ себѣ Пратеръ въ маломъ видѣ, цѣлыя аллеи изъ большихъ деревъ, качели и разныя увеселенія, помѣщаемыя обыкновенно подъ открытымъ воздухомъ. Прошлую зиму явился спекулантъ, который превратилъ въ залу цѣлый переулокъ, около 60 сажень длины, соединивъ крышкою сосѣдніе домы. Тутъ есть цвѣтники, фонтаны и безконечныя галереи со столами для ужина. Все это освѣщается 5,000 свѣчей и можетъ вмѣстить до двадцати тысячъ посѣтителей.—Но зимой вся Вѣна превращается

въ танцовальное собраніе, и соперничество вѣроятно не дастъ долго устоять этой залѣ monstre, названной Одсономъ, хоть въ ней жертвуютъ одной Терпсихорѣ.—Наибольшею народностію пользуется такъ называемый Элизіумъ, который приличнѣе назвать Аидомъ, потому что онъ помѣщается подъ землей, въ пространныхъ подвалахъ, освѣщенныхъ газомъ и подвергаетъ посѣтителей опасности задохнуться отъ несноснѣйшаго жара. Тутъ Вѣнская фантазія достигаетъ крайней точки своей нелѣпости. Все помѣщеніе раздѣлено на четыре отдѣленія подъ названіемъ частей свѣта. Проходя Америку, вы видите на мѣсто банановъ сосны, воткнутыя въ землю; на нихъ сидитъ нѣсколько обезьянъ и попугаевъ; тутъ-же желающіе катаются въ кабріолетѣ. Далѣе слѣдуетъ Азія, съ живымъ султаномъ и одалисками; потомъ Европа, съ хрипло поющими, подавившимися тирольцами; Африка украшается только соотвѣтственными изображеніями на стѣнахъ. Въ особой залѣ толкутся, въ настоящемъ смыслѣ слова, отчаянные танцоры; особая сцена устроена для плясуновъ и разныхъ глупыхъ представленій; наконецъ необходимѣйшее и существенное условіе всѣхъ нѣмецкихъ сборищъ—столовыя, гдѣ неутомимо уничтожаются ломти окороковъ, колбасы, шницели (родъ котлета), gebackene huhn (запеченая курица) и подобные лакомые куски. Плотная масса народа колышется глубоко за полночь въ этомъ вмѣстилищѣ, раздвигаясь только, чтобы пропустить какую нибудь маскарадную процессію, составленную изъ Китайцевъ, уродовъ въ грязныхъ нарядахъ, съ превращеніями и разными дурачествами.

Элизіумъ—прототипъ Вѣнскихъ народныхъ уве-

селеній; онъ пользуется наибольшимъ успѣхомъ потому именно, что отвѣчаетъ вполнѣ вкусу жителей. Поэтому можно судить, какъ блаженно проходитъ жизнь Вѣнца, какого бы онъ сословія ни былъ: всякое сословіе имѣетъ свой элизіумъ, если не совершенно, по крайней мѣрѣ, въ томъ-же духѣ и съ тою-же цѣлью. — Маскарады въ редутной залѣ, не смотря на смѣшанное общество, посѣщаются даже людьми, имѣющими притязанія на приличіе и comme il faut. Но какъ маски избавляютъ посѣтителей и въ особенности посѣтительницъ отъ цензуры общественной, отъ этого собраніе дѣлается очень занимательнымъ, по своему смѣшенію и свободѣ разговора. Вѣнки подъ маскою очень любезны и развязны, такъ что не дадутъ вамъ запнуться на половинѣ рѣчи; а смѣсь всѣхъ Европейскихъ націй позволяетъ говорить на языкѣ наиболѣе вамъ знакомомъ. — Послѣ каждаго подобнаго редута, разсказывается въ городѣ множество смѣшныхъ развязокъ маскарадной интриги, и много другихъ, дѣлающихъ счастливцевъ, остается подъ покрываломъ тайны. — Наконецъ, въ высшемъ сословіи, кромѣ домашнихъ баловъ и вечеровъ, бываютъ своего рода таинственные маскарады, покрытые непроницаемою завѣсою отъ непосвященныхъ взоровъ и полиціи.

Мнѣ остается сказать тебѣ нѣсколько словъ о высшемъ родѣ увеселенія, восходящемъ до искусства — о театрѣ. Нельзя отнять у Вѣнцевъ нѣкотораго юмористическаго взгляда на жизнь, выходящаго изъ простоты натуры и, можетъ быть, изъ отсутствія высшихъ интересовъ, но, по крайней мѣрѣ, естественнаго, не испорченнаго искусственнымъ философствованіемъ. Вѣна имѣетъ двѣ сцены (театры Ле-

опольдитатскій и на Видиѣ) истинно народныя; несмотря на презрѣніе, съ которымъ отзывается о нихъ такъ называемое порядочное сословіе, мнѣ онѣ казались лучшимъ выраженіемъ Вѣнскаго характера. Душу этихъ театровъ, въ полномъ смыслѣ слова, составляетъ Нестрой, Славянинъ по имени, авторъ-актеръ, въ обоихъ отношеніяхъ очень замѣчательный по дарованію: его можно назвать геніемъ Нѣмецкой Posse—шутки. Классъ мѣлкихъ владѣльцевъ, богачей, вышедшихъ изъ мѣлочныхъ лавокъ и магазиновъ, сидѣльцевъ и слугъ, обманывающихъ своихъ господъ, — составляетъ поле Нестроя, на которомъ онъ постоянно собираетъ богатую жатву, для своей наивной веселости и насмѣшки. Нѣтъ несообразности, нѣтъ нелѣпости, которыхъ-бы онъ не употребилъ въ дѣло, чтобы разсмѣшить своихъ зрителей, и ему охотно ихъ прощаешь; но не рѣдко въ немъ пробуждается потребность выразить задушевную мысль, тогда изъ остроумнаго паяца, онъ дѣлается истиннымъ юмористомъ и достигаетъ глубокой иронiи; къ сожалѣнію, эти минуты, напоминающія Шекспировскія выходки, длятся не долго; авторъ какъ будто боится быть непонятнымъ своей публикѣ и увлекается въ обыкновенную мутную среду. — Нельзя отрицать однакожъ, что нѣкоторыя его піэсы задуманы дѣльно, сквозь шутовскую одежду проглядываетъ мысль человѣческая, и выходки полны нерѣдко горькой насмѣшки надъ жизнію и бѣднымъ человѣчествомъ. — Характеры, гдѣ онъ хочетъ ихъ выставить, очерчены мастерски и не измѣняютъ себѣ ни на минуту; малѣйшіе оттѣнки уловлены съ искусствомъ первокласнаго художника и комизмъ поло-

женій, созданныхъ изъ ничего, доходитъ иногда до высшей степени. Наконецъ, что никогда не покидаетъ Нестроя — это неподражаемое богатство остротъ и самыхъ небывалыхъ сатирическихъ выходокъ. Можно пожалѣть, что Нестрой явился въ Вѣнѣ; въ этой тяжелой атмосферѣ, гнетущей со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ остаться паяцемъ низшаго класса; поприще, на которомъ движутся его піэсы, очень стѣснено, и все, что принадлежитъ достоянію комика въ высшихъ слояхъ, ему недоступно. Нѣтъ сомнѣнія, что при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, онъ-бы могъ занять почетное мѣсто въ исторіи комедіи (*).

Придворный Burg-Theater, стоящій такъ высоко въ мнѣніи Вѣнцевъ имѣлъ для меня менѣе интереса, потому, что его сцена лишена народнаго значенія (разумнѣя слово народный въ высшемъ, общемъ смыслѣ), и не имѣетъ значенія эстетическаго. Здѣсь даютъ безъ большаго выбора комедіи и драмы, произведенія Нѣмецкой фантазіи сѣверной и южной. Тутъ также утираются платками чувствительныя души отъ драмъ Коцебу и звонкихъ стиховъ Гальма, какъ и отъ неподражаемыхъ произведеній Шекспира, Гете и возвышенныхъ монологовъ Шиллера; хотя первые вообще пользуются бо́льшею благосклонностію публики, что̀ довольно знаменательно для сужденія о ея вкусѣ. Не говоря о первоклассныхъ геніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ и сцѣненныхъ сознаніемъ потомства, изъ современныхъ произведеній не

(*) Лучшія его піесы, какія мнѣ удалось видѣть это: Die zwei Nachtwandler, Lumpatius Vagabundus, Liebesgeschichten und Heirathssachen, и Er wils sich einen Jux machen.

явилось на этой сценѣ ничего замѣчательнаго. Замѣчателенъ былъ только отпечатокъ Нѣмецкаго характера, который всѣ они носили на себѣ: въ этомъ отношеніи, посредственныя созданія выказываютъ ясно, безъ покрывала то, что въ истинно художественныхъ возвышено и облагорожено. — Присутствуя въ Нѣмецкой, такъ называемой высокой комедіи, я не разъ дивился тому, что даже въ произведеніяхъ фантазіи Нѣмцы никогда не покидаютъ обиходныхъ привычекъ своей домашней жизни; на сценѣ точно также ѣдятъ, точно также пьютъ пиво и говорятъ всякой вздоръ, какъ бываетъ въ дѣйствительности; тѣ-же естественно-скучныя отношенія лицъ и положеній; но нигдѣ нѣтъ жизни и творческой силы, которыя совокупляютъ все въ художественное созданіе. Ихъ комедіи писаны какъ-бы отжившимъ старикомъ: сидитъ онъ въ халатѣ спокойно въ своихъ креслахъ, да забавляется разсказами о разныхъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ когда-то, о случаяхъ изъ своей жизни, иногда набросаетъ хорошо характеръ, узнанный долголѣтнимъ знакомствомъ, естественно представитъ сцену — но въ сущности все это занимательно только для него, а для постороннихъ совсѣмъ не заслуживаетъ такого подробнаго изображенія. — Сочинитель трагедіи напротивъ является всегда *мыслящею головою*, (denkender Kopf), которая понатужась, высыплетъ передъ вами вдругъ все высокое и глубокое, ею начитанное, наслышанное, выученное, помечтаетъ, посентиментальничаетъ; но души, но электрическаго тока, претворяющаго все въ одну живую массу, вы не найдете.

Какъ изложеніе въ Нѣмецкихъ драмахъ, такъ и

самое исполненіе актеровъ почти вездѣ, слѣдовательно и въ Вѣнѣ, страждетъ отъ неестественности. Напыщенная рѣчь и натянутая декламація искажаютъ драматическія положенія и вредятъ впечатлѣнію даже дѣльно задуманныхъ частей. Сюда-же должно отнести приторную Süszlichkeit женскихъ ролей, эту манерность, которая у Нѣмокъ неудачно замѣняетъ Французское кокетство. — Исполненіе комедій, по моему мнѣнію, несравненно удовлетворительнѣе. Комическая трупа Бургъ-театра хороша почти безъ исключеній, и есть нѣсколько талантовъ первокласныхъ.

Но довольно о Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ перейду къ предмету, къ которому давно уже стремятся мои мысли.

2007096435